

Россейкин Ф. М. Как Франция пришла к отделению церкви от государства? [Рец. на: *De Lanessan L.-L. L'Etat et les Églises en France depuis les origines jusqu'à la séparation.* Paris, 1906] // Богословский вестник 1907. Т. 2. № 5. С. 168–188 (2-я пагин.).

Какъ Франція пришла къ отдѣленію церкви отъ государства?

J.-L. de Lanessan. L'État et les Églises en France depuis les origines jusqu' à la séparation. Paris, 1906.

(Окончаніе).

Послѣднія перипетіи борьбы. Отдѣленіе.

Мыслящая часть европейскаго общества, читая папскія анаэемы на науку, свободу и прогрессъ, могла ограничиться простымъ пожиманіемъ плечъ. Никому не могло придти и въ голову опасеніе, что Силлабусъ и De Ecclesia остановятъ дальнѣйшее движеніе современнаго прогресса. Однако для государственныхъ людей Франціи дѣло не представлялось такимъ простымъ. Имъ были хорошо извѣстны тѣ смуты и гражданскія войны, къ которымъ въ разныя эпохи вело вмѣшательство церкви въ дѣла государства, и прецѣдъ ними возникла серьезная задача предохранить Францію отъ новыхъ возможныхъ смуть. Нужно было изыскать для этого наиболѣе цѣлесообразныя средства; и въ этомъ случаѣ важную роль сыграли теоретики. Общій недостатокъ государственныхъ людей, особенно при парламентскомъ режимѣ, состоитъ въ томъ, что они слишкомъ поглощены интересомъ минуты и склонны думать, что проблема наполовину рѣшена, если ее удалось отсрочить на нѣкоторое время. То же было съ вопросомъ объ отдѣленіи за періодъ времени отъ 1870 по 1905 годъ.

Тѣ изъ либераловъ и республиканцевъ, которые обладали способностью къ теоретическому мышленію, быстро поняли и

усиленно доказывали, что единственнымъ рациональнымъ рѣшеніемъ вопроса объ отношеніи духовной и свѣтской власти является отдѣленіе церкви отъ государства. Въ 1868 г. республиканецъ Анри Бриссонъ писалъ: „религіозныя вѣрованія не могутъ быть ни источникомъ, ни объектомъ гражданскихъ законовъ; невозможно навязать имъ ни пассивно, ни активно идею обязательности. На этомъ основаніи политическое общество и религіозные союзы должны быть другъ отъ друга независимы. Гражданинъ требуетъ, и исполнѣ справедливо, чтобы его не связывали въ гражданской жизни богословской гипотезой; съ неменьшимъ основаніемъ и вѣрующій противится государственной регламентаціи его вѣры, его способовъ чтить Бога и избирать своихъ священнослужителей... Всякій конкордатъ вреденъ и для политическаго права, и для религіозной свободы. Онъ дѣлаетъ изъ религіи гражданскій институтъ, подраздѣленіе власти, и законодательствуетъ въ дѣлахъ совѣсти. Онъ налагаетъ на невѣрующихъ различныя обязанности, принимать которыя на себя или, по желанію, не принимать должны имѣть возможность только вѣрующіе. Онъ передаетъ государство церкви, или церковь государству, смотря по обстоятельствамъ... Только раздѣленіе церкви и государства можетъ освободить совѣсть отъ всякой посторонней власти, а гражданина отъ всякаго непризнаннаго авторитета. Оно должно быть первымъ принципомъ либеральной политики“.

Однако государственные люди третьей республики допустили ту-же ошибку, въ какую впадали всѣ предшествующія правительства: они сочли возможнымъ создать соглашеніе республики съ церковью, не смотря на полную противоположность и противорѣчіе ихъ основныхъ принциповъ. Результаты получились тѣ-же, какіе получались всегда: сначала церковь напала на республику, съ цѣлью уничтожить ее; потомъ, когда этотъ планъ не удался, она попробовала подчинить ее себѣ. Съ перваго момента существованія республики, церковь вступила въ тѣсный союзъ со всѣми ея врагами и принимала самое горячее участіе во всѣхъ попыткахъ, къ ея ниспроверженію. Съ 1871 по 1875 она послѣдовательно пробовала сначала въ союзъ съ монархистами возстановить монархію для графа Шамбора, потомъ въ союзъ съ бонапартистами возстановить имперію для сына Напо-

леона III. Не успѣвъ ниспровергнуть республику, церковь рѣшила овладѣть ею. Извѣстно, какое горячее участіе принимали конгрегаціи, свѣтское духовенство и ультрамонтаны въ попыткахъ овладѣть властью, предпринимавшихся врагами республики, работая въ 1887 г. съ генераломъ Буланже, въ 1898—съ лигой патріотовъ и агентами герцога Орлеанскаго. Но республика оказалась сильнѣе, чѣмъ думали ея противники.

Папа понялъ это, можетъ быть, скорѣе, чѣмъ кто-либо.

Не смотря на всѣ усилія враговъ республики, каждые новые выборы увеличивали число ея приверженцевъ въ обѣихъ палатахъ. Левъ XIII былъ достаточно проникателенъ, чтобы вѣрно оцѣнить положеніе дѣла, и достаточно находчивъ, чтобы найти себѣ выходъ. Сохраняя вѣрность принципамъ Рима и не отмѣнивъ ни одной изъ анаемъ на прогрессъ, науку и свободу, онъ рѣшилъ кореннымъ образомъ измѣнить свое отношеніе къ республикѣ и *вступить съ нею въ соглашеніе*.

Въ ноябрѣ 1890 г. кардиналъ Лавижери на оффиціальномъ банкетѣ (въ Алжирѣ) провозгласилъ необходимость для католиковъ примкнуть къ республикѣ, въ пользу которой „воля народа ясно выражена“ и которая „не имѣетъ въ себѣ ничего противнаго принципамъ, единственно могущимъ дать жизнь христіанскимъ и цивилизованнымъ націямъ“. „Если-бы католики отказались примкнуть къ республиканскому правительству, добавлялъ Лавижери, то имъ ничего нельзя было-бы сдѣлать ни для сохраненія мира и порядка, ни для спасенія народовъ отъ соціальной опасности, ни для сохраненія своего собственнаго культа“. Не было сомнѣнія, что Лавижери говорилъ съ согласія папы. Было ясно, что Римъ даетъ своей политикѣ новое направленіе.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя (15 мая 1891 г.), папа обнародовалъ энциклику о положеніи рабочаго класса. Въ ней можно было усматривать первый реальный шагъ къ примиренію съ демократіей. Такой смыслъ энциклики былъ подчеркнутъ и непримиримыми ультрамонтанами, которые остались ею очень недовольны: ихъ печать съ горечью упрекала папу за вмѣшательство въ дѣло, его вовсе не касающееся. Но Левъ XIII зналъ, что дѣлалъ. 16 февраля 1892 года онъ издалъ спеціально къ епископату энциклику, въ кото-

рой уже ясно высказывалъ свое мнѣніе по вопросу о соединеніи. Осуждая систематическую оппозицію республикѣ, онъ напоминалъ, что церковь признавала всѣ правительства, послѣдовательно возникавшія во Франціи, и не видѣлъ препятствій къ признанію республиканскаго режима. Но папа проводилъ строгое различіе между республиканскимъ правительствомъ и его законодательствомъ; требовалъ признать первое, но всѣми силами бороться противъ законовъ, „враждебныхъ религіи и Богу“.

Планъ папы состоялъ въ томъ, чтобы, принявъ республику какъ неизбѣжный фактъ, провести въ палаты и правительство лицъ, способныхъ постоять за интересы церкви. Планъ показывалъ, что Левъ XIII отдавалъ себѣ ясный отчетъ въ положеніи дѣлъ и сознавалъ, что республика, укрѣпивъ свои силы, не потерпитъ ультрамонтанскихъ затѣй и интригъ. Съ другой стороны, хорошо понимая, что правительство школьнымъ закономъ (объ обязательности и вѣроисповѣдномъ безразличіи обученія) вступило на наиболѣе опасный для церкви путь, грозившій рано или поздно привести къ раздѣленію, папа очень благоразумно вмѣнялъ всѣмъ католикамъ въ обязанность не ухудшать отношеній къ государству, лишь за собою оставляя право опредѣлять эти отношенія. Конечно, папа энергично отвергалъ идею раздѣленія, потому что она вела къ полной независимости политическаго законодательства по отношенію къ законодательству религіозному; папа-же оставался по прежнему вѣренъ доктринѣ верховенства духовной власти надъ свѣтской.

Призывъ папы къ единенію съ республикой послужилъ поводомъ къ расколу между католиками. Одна партія, болѣе многочисленная и вліятельная, пошла въ разрѣзъ съ желаніями св. отца. Начавъ ожесточенную борьбу съ республикой съ самаго ея учрежденія, эта партія непримиримыхъ продолжала ее и теперь, стремясь ниспровергнуть республиканскій строй и дѣлая религію орудіемъ политической борьбы. Она еще вѣрила въ возможность возстановить монархію. Рѣчь кардинала Лавижери ожесточила ее; двѣ послѣднихъ папскихъ энциклики привели въ смущеніе, но не убѣдили. Въ теченіе тридцати пяти лѣтъ боролась она за программу, которая была болѣе папистскою, чѣмъ самъ папа. Главная

ошибка этой партіи состояла въ томъ, что она представляла себѣ Францію такой-же невѣжественной и наивно вѣрующей, какой она была въ средніе вѣка. На эту партію, въ концѣ концовъ, и падаетъ ближайшая отвѣтственность за раздѣленіе, къ которому она принудила государство.

Вторая партія, послѣдовавшая голосу папы, состояла изъ нѣсколькихъ сотенъ молодыхъ священниковъ, полдюжины епископовъ и небольшого числа монархистовъ и бонапартистовъ. Она объявила себя сторонницей демократіи, и нѣтъ основаній не довѣрять искренности ея заявленій. Но понятно, что ея намѣренія рѣзко отличались отъ стремленій республиканской партіи, съ которой она хотѣла совместно работать. Она прекрасно поняла заднюю мысль Льва XIII и знала, чего отъ нея ждетъ папа. Присоединеніе къ республикѣ было лишь средствомъ проникнуть въ правительство, чтобы потомъ измѣнить республиканскіе законы въ интересахъ церкви. Эта мысль была ясно выражена кардиналомъ Рамполлой въ его письмѣ къ главному редактору *Vérité française* (отъ 30 янв. 1895 г.). Рамполла говорилъ, что папа, требуя отъ французскихъ католиковъ встать на конституціонную почву и признать настоящее правительство, ждалъ, что католики этимъ способомъ поработаютъ сначала надъ улучшеніемъ правительства, а потомъ, по мѣрѣ того какъ будетъ расти ихъ вліяніе на правленіе страной, добьются прекращенія новыхъ нападокъ на религію и постепенно исправятъ тѣ изъ существующихъ законовъ, которые враждебны церкви. Говоря короче, католическая церковь возвращалась къ тактикѣ 1848 г.

Ни политическіе дѣятели партіи сторонниковъ единенія, ни духовенство, сочувствовавшее ей, не скрывали своихъ истинныхъ намѣреній. Нѣкоторые шли такъ далеко, что открыто исповѣдывали свою мечту вернуть католицизму то положеніе, какое онъ занималъ въ средніе вѣка. „Революція, писалъ одинъ изъ такихъ мечтателей, которая въ этомъ отношеніи началась не въ 1789 году и не кончилась въ 1802, разрушила весь христіанскій порядокъ, который христіанство медленно создало въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Церковь не предлагаетъ своимъ дѣтямъ дѣло *сохраненія*, а дѣло *возстановленія, реставраціи*“.

Работа партіи сводилась къ возстановленію вліянія церкви

въ обществѣ, возвращенію въ ея руки народнаго воспитанія и просвѣщенія и измѣненію законовъ республики въ пользу церкви.

Прежде всего хотѣли сдѣлать церковь популярной среди рабочихъ классовъ и распространить идею христіанской демократіи. Въ 1896 г. на създѣ католическихъ рабочихъ въ Реймсѣ одинъ изъ организаторовъ съезда—аббатъ Ро (Roux), развивая эту идею, говорилъ, что для христіанской демократіи христіанство является внутреннимъ жизненнымъ принципомъ; ея цѣлью—подъемъ народной жизни во всѣхъ отношеніяхъ; ея средства—рабочія организаціи и всякія экономическія, профессиональныя и политическія учрежденія, годныя для осуществленія этой цѣли. Но вся эта работа должна оживляться христіанскою идеей, которая, господствуя надо *всѣмъ, будетъ все направлять, упорядочивать и одушевлять.*

Для достиженія поставленной цѣли духовенство изъ сторонниковъ соединенія добивается симпатій рабочаго класса, устраивая для него профессиональныя союзы, организуя съезды и проповѣдуя социализмъ устно и въ печати. Работа шла энергично. Но результатами особенно похвалиться было нельзя. Огромное большинство рабочихъ оставалось равнодушнымъ къ политической проповѣди духовенства, не довѣряя, и не безъ основаній, социализму, вдохновляемому папой и руководимому нерѣдко явными монархистами. На създѣ духовенства въ Буржѣ въ 1900 г., гдѣ собралось до 700 священниковъ, былъ предложенъ отчетъ о достигнутыхъ духовенствомъ результатахъ, и цифры были не вполнѣ утѣшительны. „Мы потратили, говорилъ аббатъ Дзонъ (Dehon), 30 лѣтъ, чтобы создать 4000 попечительствъ для дѣтей обоюго пола; въ 3 года свѣтская пропаганда создала 800 попечительствъ и 3000 союзовъ бывшихъ школьниковъ обоюго пола“. Работа духовенства оказывалась гораздо менѣ продуктивной, чѣмъ свѣтскихъ вождей рабочаго класса. Объясняя фактъ, тотъ-же ораторъ сослался прежде всего на нерадивость духовенства, которое мало по малу отстало отъ науки, литературы, искусства, отъ политической и социальной жизни и превратилось почти исключительно въ совершителей требъ. Второй причиной было, по его мнѣнію, ослабленіе вѣры: „вѣра гибнетъ въ народныхъ массахъ; наши деревенскіе храмы пустѣютъ“.

Народъ слишкомъ долго видѣлъ ожесточенную борьбу католической церкви противъ республики и демократіи, которыми онъ былъ столько обязанъ улучшеніемъ своего положенія, чтобы пойти теперь за духовенствомъ.

Не могло демократическое духовенство пользоваться особеннымъ довѣріемъ и буржуазіи, такъ какъ его проповѣдь социализма вызывала опасеніе буржуазнаго класса въ меньшей степени, чѣмъ и свѣтскій социализмъ.

Благодаря своему ложному положенію, демократическое духовенство было осуждено на безсиліе. Республиканцы боялись его, увѣренные, что, достигнувъ политической силы, оно направитъ свое оружіе противъ самой республики съ ея чисто свѣтскими установленіями. Реакціонеры опасались, что оно, своей проповѣдью въ пользу демократіи, нарушитъ внутреннее согласіе ихъ партій, по самому своему существу враждебной демократическому режиму. И если это духовенство пользовалось въ теченіе десятка лѣтъ нѣкоторымъ успѣхомъ, то благодаря, главнымъ образомъ, недалекости извѣстной части республиканцевъ, которые согласились вступить въ союзъ съ церковью, повѣривъ въ возможность совместной работы съ нею.

Но не всѣ республиканцы думали такъ. Въ ихъ рядахъ заявленіе Льва XIII о желательности союза съ республикой произвело приблизительно такой-же расколъ, какъ и въ рядахъ духовенства. Однимъ казалось, что союзъ съ папой даетъ возможность склонить на сторону республики всѣхъ ея враговъ—монархистовъ, бонапартистовъ и, тѣмъ болѣе, послушное папѣ духовенство. Другіе, наоборотъ, встрѣтили выступленіе папы съ полнымъ недовѣріемъ, зная давнишнюю враждебность Рима къ демократіи. Если первые рассчитывали съ помощью конкордата и папы связать руки враждебному республикѣ духовенству, то вторые съ опасеніемъ указывали на знаменательную программу папы, во главѣ которой стояла отмена школьнаго закона, и напоминали, какъ много вреда демократіи причинило духовенство съ 1848 г., когда ему удалось вернуть себѣ политическое вліяніе въ странѣ.

На выборахъ 1893 г. Франція должна была выбирать между программами этихъ двухъ партій, и она высказалась въ большинствѣ за первую. Съ этого момента демократическое

духовенство начинаетъ играть роль въ парламентской жизни. Президентомъ палаты избранъ Казимиръ-Перье, сторонникъ единенія, получившій 295 голосовъ противъ 195, поданныхъ за Анри Бриссона, кандидата противниковъ единенія. Вслѣдъ за тѣмъ составленъ умѣренный кабинетъ съ Казимиромъ-Перье во главѣ. Одинъ изъ членовъ министерства (Spuller), горячій сторонникъ конкордата и союза съ папой, въ министерской деклараціи развилъ мысль, что республика должна поддерживать связь съ духовенствомъ въ своихъ собственныхъ интересахъ. Ораторъ выразилъ полное довѣріе искренности духовенства. „Я утверждаю, говорилъ онъ, что сама церковь измѣняется, что она развивается, вопреки своему притязанію на неизмѣнность. Я говорю, что теперь вмѣсто того, чтобы служить связью для монархическихъ партій, она встанетъ, какъ вы увидите, во главѣ демократіи“. Указывая на ростъ вліянія духовенства въ народѣ, благодаря его проповѣди социализма, и отмѣчая опасность, могущую возникнуть для республики, если, оттолкнувъ церковь, она побудитъ ее подняться противъ себя народныя массы, ораторъ рекомендовалъ соединеніе, какъ лучшее средство избѣгнуть опасности и использовать силы и трудъ духовенства въ интересахъ демократіи.

Палата одобрила декларацію, не смотря на энергичный протестъ Бриссона и его партіи (3 марта 1894 г.).

Прошло шесть лѣтъ, и результаты принятой правительствомъ политики обнаружались вполне ясно. Какой-то анонимный авторъ, вѣроятно, іезуитъ, съ чувствомъ полного удовлетворенія отмѣчалъ въ своей статьѣ, что за этотъ періодъ „новаго направленія“ ультрамонтане работали для своего дѣла съ небывалымъ успѣхомъ, что ихъ школы переполнены, что монашескіе ордена, жертвы изгнанія 1880 г., добились возстановленія своихъ учрежденій, капеллъ и значительной доли своего вліянія. Съ другой стороны, успѣло окончатально выясниться и непримиримо враждебное отношеніе церкви къ республикѣ и демократіи. Предсказанія оратора (Spuller'a) совершенно не оправдались. Духовенство не встало во главѣ республиканской демократіи. Напротивъ, тайно и явно оно поддерживало враговъ республиканскаго режима и подлинно демократическихъ принциповъ. Проповѣди монаховъ, іезуитовъ и клерикальная печать сѣяли въ

странѣ ненависть къ республикѣ и свободѣ. Искренне-демократически настроенная часть духовенства была слишкомъ ничтожна, чтобы смягчить общее настроеніе церкви. Общество поняло, что отъ союза съ церковью ждать добра не приходится, и выборы 1898 г. дали въ палатѣ антиклерикальное большинство, рѣшившееся вести жестокую борьбу съ ультрамонтанствомъ.

Этой послѣдней фазѣ отношеній государства и церкви и было суждено закончиться полнымъ ихъ раздѣленіемъ.

Заключительная борьба велась главнымъ образомъ на почвѣ законодательства о народномъ просвѣщеніи.

Церковь при второй республикѣ добилась, съ помощью знаменитаго закона Фаллу, преобладающаго вліянія на низшее и среднее образованіе. При третьей республикѣ она пыталась подчинить себѣ высшее.

Еще въ національномъ собраніи 1871 г. клерикалы и правая внесли проэктъ о свободѣ высшаго образованія. Въ 1874 г. проэктъ, переработанный правительствомъ, былъ представленъ въ палату на обсужденіе. Правая требовала внесенія поправки, запрещающей открытіе частныхъ курсовъ и разрѣшавшей открытіе только полныхъ университетовъ, что было-бы подѣ силу лишь конгрегаціямъ, располагавшимъ огромными средствами. Лѣвая протестовала, и законопроектъ былъ сданъ въ комиссію. Въ 1875 г. онъ въ измѣненномъ видѣ былъ вотированъ. Частичные курсы все-таки были разрѣшены. Въ то-же время вольныя высшія школы получили право давать ученія степени наравнѣ съ университетомъ, подѣ условіемъ, чтобы государственный экзаменъ производился смѣшанной комиссіей изъ преподавателей вольной школы и профессоровъ университета.

Ультрамонтаны торжествовали: подѣ знаменемъ свободы высшаго просвѣщенія они могли развивать свою дѣятельность въ пользу католической церкви и папы. Но этотъ законъ (12 іюля 1875 г.) былъ ихъ послѣдней побѣдой въ области законодательства.

Выборы 1879 г. послали въ сенатъ и палату большинство искреннихъ республиканцевъ, хотя и склонныхъ поддерживать конкордаты, но стремившихся освободить государство отъ церкви.

23 января 1879 г. Поль Беръ представилъ проэктъ, измѣ-

нявшій законъ 1875 г. въ двухъ главныхъ пунктахъ: частичные курсы объявлялись совершенно свободными и отмѣнялись смѣшанныя экзаменаціонныя комиссіи; ученые степени могли даваться исключительно университетомъ, что ставило преграды дальнѣйшему развитію высшихъ конгреганистскихъ школъ. Законъ былъ принятъ 18 марта 1880 г.

Черезъ нѣсколько дней (декретомъ 29 марта) были закрыты конгрегации іезуитовъ; всѣмъ прочимъ конгрегациямъ вмѣнялось въ обязанность представить ихъ уставы на утвержденіе правительства подъ страхомъ закрытія. Но декретъ не былъ по разнымъ причинамъ выполненъ во всей строгости.

Съ 1879 г. главное вниманіе республиканской партіи было обращено на организацію начальнаго обученія, которое получило особенное значеніе при новомъ демократическомъ режимѣ, поднявшемъ политическое значеніе народныхъ массъ. До этого времени около половины всѣхъ дѣтей во Франціи не получало элементарнаго образованія, виной чему прежде всего являлся недостатокъ школъ. Учрежденіемъ „школьной кассы“ (іюня 1878 г.) было положено начало быстрому развитію школьнаго дѣла. Законъ 16 іюня 1881 г. вводилъ бесплатность обученія; законъ 28 марта 1882 г. устанавливалъ его обязательность. Тотъ же законъ вычеркивалъ изъ школьныхъ программъ религіозное обученіе и замѣнялъ его *нравственнымъ и гражданскимъ воспитаніемъ*.

Послѣдній параграфъ вызвалъ въ палатахъ оживленныя пренія. Во время перваго чтенія законопроекта Жюль Симонъ убѣдилъ сенатъ принять поправку, вносившую въ школьную программу уясненіе дѣтямъ „обязанностей по отношенію къ Богу“. Однако палата депутатовъ эту поправку отвергла. Тогда Жюль Симонъ вторично защищаетъ ее предъ сенатомъ (11 марта 1882). Его главнымъ аргументомъ въ пользу поправки была ссылка на то, что въ народѣ быстро развивается атеизмъ и что необходимо поставить ему преграды. „Нужна, говорилъ ораторъ, ясно выраженная воля, нужна сила, нуженъ законъ, нужно сказать: нѣтъ!“ Возражая Симону, министръ народнаго просвѣщенія Жюль Ферри указывалъ, что теперь уже не тѣ времена, когда съ идеями боролись насиліемъ, что, впрочемъ, нисколько не препятствовало ихъ распространенію. Онъ напомнилъ Симону,

что самъ онъ въ свое время протестовалъ противъ статьи закона, теперь уже отмѣненной и сурово каравшей *оскорбленіе религиозной морали*. „По истинѣ, закончилъ министръ, это значить наносить вашему Богу чрезвычайное оскорбленіе— давать ему въ качествѣ защитника и послѣдняго убѣжища статью закона“. Поправка была отвергнута, и законъ 11 марта 1882 г. установилъ во Франціи религиозную нейтральность начальнаго обученія. Республика объявила себя чуждой какой-бы то ни было философской доктрины или религиознаго вѣрованія.

Это было уже началомъ отдѣленія церкви отъ государства. Вторымъ законодательнымъ шагомъ въ этомъ направленіи являлся законъ объ ассоціаціяхъ, принятый 1 іюля 1901 г. Творцомъ закона былъ Вальдекъ-Руссо. Принадлежа къ той школѣ политиковъ, которые признавали необходимость поддерживать конкордаты, Вальдекъ-Руссо въ то-же время былъ сторонникомъ полнаго освобожденія государства отъ церкви. Въ своей рѣчи въ Тулузѣ (28 окт. 1900) онъ ясно сформулировалъ мысль о необходимости запрещенія для конгреганистовъ учебной дѣятельности. Вальдекъ-Руссо отмѣчалъ ту социальную опасность, которая возникаетъ какъ слѣдствіе того, что юношество получаетъ не одинаковое образованіе. Создаются два класса молодежи, менѣе раздѣленныхъ своимъ социальнымъ положеніемъ, чѣмъ разницей полученнаго ими образованія. Одна часть юношества воспитывается въ принципахъ демократіи; другая—въ доктринахъ средневѣковья. Онѣ не знаютъ другъ друга до момента встрѣчи, а встрѣтившись, рискуютъ совершенно не понять другъ друга и стать взаимными врагами. Общество не можетъ относиться равнодушно къ опасному разладу, подготовляемому въ его нѣдрахъ различіемъ системъ воспитанія. Эти соображенія и побудили Вальдека-Руссо предложить странѣ обязать всѣ безъ исключенія конгрегаціи получить легализацію отъ правительства. При этомъ не скрывалось, что не будутъ легализованы всѣ тѣ конгрегаціи, которыя зарекомендовали себя антиреспубликанской учебной дѣятельностью.

Мысль Вальдека-Руссо легла въ основу закона 1 іюля 1901 г., приведшаго къ закрытію многихъ учебныхъ конгрегацій. Три года спустя (7 іюля 1904) новый законъ окончательно запретилъ конгрегаціямъ всякую учебную дѣятель-

ность; тѣ изъ нихъ, которыя въ свое время были легализованы, обязывались ликвидировать свое дѣло въ двухгодичный срокъ.

Было ясно, что отдѣленіе близко. Правда, его моментъ могъ быть нѣсколько отдаленъ, если-бы папа и французское духовенство остерегались открытыхъ конфликтовъ съ государствомъ. Но представители церкви не находили возможнымъ мириться съ антиклерикальной политикой французскаго правительства. Въ моментъ смерти Льва XIII (іюль 1903) отношенія между Франціей и Ватиканомъ были крайне натянуты. Не было сомнѣнія, что если на папскій престолъ взойдетъ человѣкъ, не способный на уступки, то разрывъ неизбѣженъ.

Къ этому Франція, въ сущности, была уже готова. Когда французскіе епископы послѣ изданія закона 1 іюля 1901 г. открыто встали на сторону конгрегацій, разрывъ уже начинался. Съ момента, когда папа заявилъ протестъ при иностранныхъ дворахъ противъ визита президента французской республики итальянскому королю, разрывъ приобрѣталъ полную силу. Между Ватиканомъ и Франціей создавались невозможныя отношенія, единственнымъ выходомъ изъ которыхъ могло быть только полное отдѣленіе. Папскій циркуляръ, осуждавшій поѣздку президента въ Италію, принудилъ французскую палату высказаться (24 мая 1904) за отозваніе французскаго посольства отъ Ватикана. Въ іюль бюджетная комиссія предложила Комбу, президенту совѣта министровъ, вопросъ объ отмѣнѣ бюджета на содержаніе ватиканскаго посольства. Сначала Комбъ обнаружилъ нѣкоторое колебаніе и уклонился отъ прямого отвѣта. Но ходъ событій и общественное мнѣніе быстро склонили его въ пользу отдѣленія, и черезъ три мѣсяца онъ внесъ въ палату законопроектъ объ отдѣленіи государства и церкви. Характерно, что большинство министровъ его кабинета отнеслось враждебно къ идеѣ отдѣленія, и законопроектъ носилъ подпись только одного Комба.

Преемникъ Комба Рувье поставилъ отдѣленіе однимъ изъ главныхъ пунктовъ своей программы и провелъ его законодательнымъ порядкомъ. Законопроектъ былъ принятъ палатой, затѣмъ безъ всякихъ измѣненій сенатомъ, и 9 дек. 1905 г. сталъ закономъ республики.

Закопъ 9 дек. 1905 г. составляетъ послѣднюю фазу въ развитіи отношеній между церковью и государствомъ, фазу, характеризуюмую полнымъ освобожденіемъ государства отъ церкви.

Если-бы для характеристики этого закона захотѣли его сопоставить съ закономъ объ отдѣленіи, принятымъ конвентомъ 21 февраля 1795 года, то между ними не оказалось-бы ничего общаго. Тѣхъ абстрактныхъ соображеній, которыми руководились сторонники отдѣленія въ концѣ XIX в., для конвента не существовало. Онъ видѣлъ въ отдѣленіи только средство борьбы съ церковью, которая, заявивъ себя ожесточеннымъ врагомъ революціи и свободы, вела съ ними упорную борьбу. Но большинство политическихъ дѣятелей того времени признавало церковь необходимой въ государствѣ, не говоря уже о народныхъ массахъ, въ общемъ преданныхъ католицизму. И не смотря на это, все-таки отдѣленіе 1795 г. имѣло всѣ шансы на будущее: духовенство съ нимъ начинало примиряться; народъ привыкалъ къ новому церковному порядку; правительство революціи давало ему возможность свободно развиваться и крѣпнуть. Очень возможно, что Франціи не пришлось-бы вторично рѣшать, спустя столѣтіе, проблему отдѣленія, если-бы Наполеонъ въ своихъ личныхъ цѣляхъ не нашелъ нужнымъ связать государство конкордатомъ 1801 года.

Условія, при которыхъ произошло отдѣленіе въ 1905 г., совершенно иныя. Правда, враждебность римской церкви по отношенію къ демократическимъ учрежденіямъ осталась, въ сущности, такой-же, какой она была въ эпоху великой революціи; но эта враждебность уже не могла обнаруживаться въ прежнихъ формахъ. Папство должно было убѣдиться, что его роль въ политической жизни Франціи закончена. Попытки поддержать противъ республики бонапартистовъ и монархистовъ потерпѣли полную неудачу. Оставалось рекомендовать вѣрнымъ сынамъ католической церкви соединеніе съ республикой, такъ какъ это было единственнымъ средствомъ занять достойное положеніе въ политическомъ обществѣ. Но и этотъ путь не привелъ къ желаннымъ результатамъ: демократія встрѣтила шедшую къ нему на встрѣчу церковь полнымъ недовѣріемъ, и проповѣдь христіанскаго социализма, разглашаемая духовенствомъ, заранѣе

была обречена на неуспѣхъ. Все показывало, что въ народномъ сознаніи произошелъ глубокой переворотъ, отклонившій отъ церкви народныя массы, въ той или иной мѣрѣ преданныя ей въ эпоху перваго отдѣленія. Очевидно, долгая и упорная борьба церкви противъ демократическаго принципа дала осязательные результаты, хотя какъ разъ противоположные тѣмъ, которыхъ добивалась церковь: вмѣсто того, чтобы привлечь и подчинить себѣ народъ, церковь оттолкнула его отъ себя.

Вторая причина охлажденія народа къ церкви лежитъ въ общемъ паденіи народной вѣры подъ вліяніемъ прогресса знаній и успѣховъ просвѣщенія. Научныя теоріи и философскія доктрины, проникая въ широкіе слои общества, вытѣсняли тѣ или другія религіозныя вѣрованія. Критическія сочиненія, прежде бывшія достояніемъ небольшой кучки специалистовъ, теперь проникаютъ въ самыя глухіе деревенскіе углы, и критика преданія убиваетъ наивную вѣру. Въ результатъ, сѣзды духовенства разныхъ исповѣданій не разъ поднимали уже вопросъ: могутъ-ли теперь церкви существовать только на пожертвованія вѣрующихъ?

Необходимо отмѣтить еще одно условіе, дѣлающее населеніе городовъ, промышленныхъ районовъ и отчасти даже деревень болѣе или менѣе равнодушнымъ къ выполненію религіозныхъ обязанностей. Это условіе—жестокая борьба за существованіе. Ея возрастающая напряженность принуждаетъ рабочіе и мелкобуржуазные классы напрягать всѣ свои силы, тратить на трудъ все свое время, чтобы обезпечить сносное существованіе для себя и своей семьи. На выполнение культовыхъ обязанностей, посѣщеніе богослуженія, соблюденіе праздниковъ и т. п. не хватаетъ досуга. Въ этихъ классахъ еще не мало людей, оффиціально принадлежащихъ къ той или другой церкви; но связь съ церковью сохраняется лишь чисто внѣшняя. Да и она проявляется очень рѣдко, въ наиболѣе важныхъ случаяхъ личной или жизни дѣтей. Повѣнчаться, крестить ребенка, устроить похороны члена семьи, за этимъ еще идутъ въ католическій храмъ, въ протестантскую кирку, въ еврейскую синагогу. Но и это дѣлается сплошь и рядомъ не по внутреннимъ религіознымъ побужденіямъ, а такъ сказать, изъ гражданскаго приличія.

Равнодушіе народа къ церкви облегчало задачу отдѣленія. Враждебность къ ней демократіи дѣлала отдѣленіе неизбѣжнымъ.

Что касается современныхъ политическихъ дѣятелей, то они, конечно, уже давно оставили мысль о необходимости государственной религіи, какъ въ это вѣрили въ свое время члены конвента. Напротивъ, въ нихъ глубоко укоренилось убѣжденіе въ необходимости сдѣлать государство чисто свѣтскимъ.

При такихъ условіяхъ отдѣленіе государства отъ церкви имѣло за себя гораздо болѣе глубокіе мотивы, гораздо болѣе прочную для себя почву, чѣмъ въ 1795 г., и представлялось полной исторической неизбѣжностью.

Отдѣленіе лишило католическую церковь исключительнаго покровительства со стороны государства. Но государство обезпечивало католицизму полную свободу и предохраняло его отъ всякихъ насилій, правда, теперь уже наравнѣ со всѣми другими религіями. Церковь получила возможность пользоваться всѣми благами свободы, и законъ 9 декабря 1905 г. ясно показалъ, что государство далеко отъ какого-бы то ни было насилія надъ нею.

Государство сохранило за церковью всѣ имущества, служившія ей для отправленія культа, чѣмъ облегчало для нея выполненіе принятой ею на себя общественной задачи. Передавая имущества въ распоряженіе „ассоціацій, созданныхъ согласно правиламъ общей организациі культа, отправленіе котораго онѣ предполагаютъ обезпечить“, законодатель 1905 г. рѣшительно изъявлялъ полное уваженіе къ внутреннему устройству каждой церкви. Стремясь облегчить культамъ осуществленіе ихъ задачъ, законъ разрѣшалъ ассоціаціямъ создавать союзы взаимопомощи, такъ чтобы каждая ассоціація имѣла возможность передать излишекъ своихъ доходовъ другой, болѣе бѣдной и нуждающейся. Такіе союзы получали право имѣть центральное управленіе. Далѣе, законъ предоставлялъ церквамъ въ ихъ распоряженіе безвозмездно на неопредѣленный срокъ храмы и богослужебныя зданія; а духовенству было разрѣшено на нѣсколько лѣтъ бесплатное пользованіе занимаемыми имъ квартирами. Наконецъ, законъ охранялъ права священниковъ, пріобрѣтенныя ими на службѣ, и обезпечивалъ пенсіи тѣмъ изъ

нихъ, которые были престарѣлы, давно занимали свою должность и потому не могли уже уйти на другую службу. Законъ 1905 г. былъ не только либеральнѣе закона 1795 г., но и великодушнѣе его.

Если извѣстная часть католиковъ оказала сопротивление примѣненію этого закона, главнымъ образомъ, при составленіи описей церковныхъ имуществъ, то здѣсь играло роль не столько религіозное чувство, сколько извѣстные политическіе мотивы. Протестъ противъ описей былъ не болѣе какъ политической манифестаціей враговъ республики, воспользовавшихся новымъ случаемъ подорвать ея престижъ. Но эти попытки имѣли такъ-же мало успѣха, какъ раньше буланжистскія или бонапартистскія волненія.

Многовѣковая эволюція отношеній между государствомъ и католической церковью, пройдя рядъ переходныхъ стадій, вернулась, можно сказать, къ своей исходной, изначальной фазѣ. Первохристіанская церковь стояла внѣ государства; въ началѣ XX в. католическая церковь во Франціи вынуждена была занять по отношенію къ государству такое-же положеніе.

Первохристіанскія общины въ моментъ ихъ зарожденія представляли замкнутые союзы, строго обособленные отъ языческаго общества. Члены такого союза были тѣсно связаны между собою единствомъ религіозныхъ вѣрованій и нравственныхъ принциповъ, проводимыхъ ими въ личной и общинной жизни.

Основнымъ правиломъ, опредѣлявшимъ ихъ отношеніе къ языческому міру, было требованіе удаляться, сторониться отъ него. Христіане избѣгали сталкиваться съ язычниками, если этого не требовали ихъ миссіонерскія цѣли, уклоняясь какъ отъ личныхъ отношеній съ ними, такъ и отъ выполненія общественныхъ обязанностей, предписываемыхъ языческимъ обществомъ. Благодаря терпимости римскихъ законовъ, имъ удавалось освободиться не только отъ юрисдикціи языческихъ судовъ, но даже отъ военной службы. Однимъ словомъ, первые христіане хотѣли стоять внѣ языческаго общества и внѣ его законовъ.

Религіозный принципъ охватывалъ всю ихъ жизнь. Вступленіе въ ихъ общину новаго члена сопровождалось религіознымъ обрядомъ крещенія; бракъ и смерть получали религіозный характеръ, благодаря такимъ-же обрядамъ. Частыя собранія, общія молитвы, агапы, объединявшія всѣхъ религіозной идеей, связывали общину тѣсной связью и превращали ее въ маленькое общество, отличное и отдѣльное отъ общества языческаго, жившее своей собственной, независимой жизнью.

Внутренняя организація первохристіанскихъ общинъ была построена на строго демократическихъ началахъ. Общины сами избирали себѣ епископовъ и пресвитеровъ, и простые міряне долгое время сохраняли за собою вліяніе на рѣшеніе общинныхъ дѣлъ.

Но потомъ власть епископа стала расти, и постепенно въ его рукахъ сосредоточились всѣ важнѣйшія функціи управленія церковью. Онъ училъ, управлялъ, охранялъ, судилъ и наказывалъ. Въ его власти было исключить изъ общины непокорнаго члена, что помимо нравственнаго позора грозило наказанному и крупными практическими неудобствами.

По мѣрѣ того какъ число помѣстныхъ церквей расло и умножалось количество ихъ членовъ, власть епископа понималась выше и выше, и дѣло кончилось тѣмъ, что народъ постепенно былъ устраненъ отъ управленія дѣлами. Епископы стали избираться не народомъ, а только епископатомъ. Въ церкви народилась своего рода аристократія, подъ непосредственную власть которой встало низшее духовенство и рядовые міряне. Располагая не только властью, но и церковными имуществами, епископатъ превратился въ хозяина церкви.

Въ эпоху паденія римской имперіи епископы Запада успѣли захватить и гражданскую власть. Съ этого момента западная церковь, нисколько не смѣшиваясь съ мірскимъ обществомъ, приняла его въ свои нѣдра и стала его опекуномъ и повелителемъ, благодаря находившимся въ ея рукахъ гражданской власти, суду, просвѣщенію и благотворительности.

Въ VII в. церковь, превратившаяся въ духовную монархію подъ верховной властью папы, представляла единственную на Западѣ правительственную силу, такъ или иначе

упорядочивавшую жизнь народовъ. Она правила или сама, или чрезъ представителей зачаточной гражданской власти, вполне подчинявшихся ея руководству. Благодаря живости народной вѣры, ея авторитетъ стоялъ выше всякаго земного авторитета, и короли наравнѣ съ ихъ подданными послушно выполняли ея приказанія, чувствуя глубокой страхъ къ ея угрозамъ и духовнымъ карамъ.

Съ VIII в. западныя государства начинаютъ крѣпнуть, и короли, чувствуя свою силу, постепенно отбираютъ у церкви функціи, по существу дѣла принадлежащія государству. Прежде всего они отнимаютъ у нея политическую власть. Потомъ, съ одобренія народа, хотѣвшаго освободиться отъ повседневной и всесторонней опеки церкви, судъ. Далѣе—просвѣщеніе, и это опять по желанію народа, стремившагося изучать уже не тотъ матеріалъ, который заключался въ богословскихъ книгахъ и бесплодныхъ схоластическихъ трактатахъ. Наконецъ, королямъ захотѣлось поживиться и тѣми огромными богатствами, которыя церковь успѣла скопить за длинный рядъ вѣковъ своей исторіи. Германскіе князья сдѣлали это открытымъ насиліемъ, отнявъ въ XVI в., въ эпоху реформациі, у церкви ея имущества подъ предлогомъ реформы нравовъ и дисциплины духовенства. Французскій король дѣйствовалъ менѣе рѣшительно, но во всякомъ случаѣ нашель способъ незамѣтно приложить руку къ доходамъ церкви—съ помощью конкордатовъ. Конкордаты дѣлили церковные доходы на три неравныя части: первую для епископовъ, до сихъ поръ бывшихъ единственными собственниками церковныхъ имуществъ; вторую для папы, какъ вознагражденіе за его поддержку королевской политикѣ; третью для королей, начинающихъ смотрѣть на себя уже какъ на представителей Божества на землѣ.

Дѣлежъ богатства и власти между папой, королемъ и епископами продолжался, съ безконечными конфликтами жадности и честолюбія, до того момента, когда и народъ, успѣвшій потерять свою вѣру и свое раболѣпіе, вмѣшался, чтобы потребовать себѣ свою долю церковныхъ богатствъ и политической власти, утверждая въ то-же время за собою право вѣровать по своему вкусу и примыкать къ культурамъ по своему выбору.

Это было въ моментъ великой революціи. Въ послѣдніе

годы революціи казалось, что народу удалось добиться всего этого—и политической власти, и церковныхъ имуществъ, и свободы совѣсти. Но, какъ показала исторія, народъ еще не былъ достаточно подготовленъ, чтобы самому стать своимъ собственнымъ государемъ и единственнымъ господиномъ своей совѣсти. Послѣ 12 лѣтъ революціонной борьбы, онъ попадаетъ подъ деспотическую власть Наполеона и духовную гегемонію папства.

Революція успѣла произвести огромный переворотъ въ отношеніяхъ государства и церкви. Она отобрала у церкви всѣ ея имущества, передала государству содержаніе культа, просвѣщенія и благотворительности, создала гражданскій бракъ, узаконила разводъ, сдѣлала судъ недоступнымъ вмѣшательству церкви, отмѣнила впослѣдствіи бюджетъ культовъ и провела, наконецъ, полное отдѣленіе государства отъ церкви.

Наполеонъ, въ своихъ личныхъ цѣляхъ, связалъ государство конкордатомъ 1801 г., который далъ церкви возможность вернуть ея прежнее положеніе. Клиръ снова получилъ въ государствѣ официальное значеніе; церковь подняла свой авторитетъ въ населеніи, укрѣпила свои подорванныя революціей силы, и снова начинаетъ оказывать давленіе на государство и общество. Народное просвѣщеніе и благотворительность переходить въ ея руки; законодательная власть внимательно прислушивается къ ея голосу, а при Карлѣ X покорно слѣдуетъ ея велѣніямъ.

Но конкордаты были безсилны уничтожить всѣ послѣдствія революціи, съ которыми и пришлось считаться церкви. Въ государственный строй Франціи былъ введенъ новый принципъ—народнаго представительства, и право посылать депутатовъ въ законодательныя палаты дало народу возможность оказывать вліяніе на ходъ государственнаго управленія. Предъ церковью вставала необходимость считаться не съ кучкой стоящихъ у власти лицъ, какъ это было прежде, а со всею народною массой, которая по самой своей природѣ была настроена демократически и не питала никакой склонности отказаться отъ своихъ правъ на верховную власть въ пользу суверенитета церкви.

Послѣ революціи 1830 г., вызванной злоупотребленіями церкви, можно было-бы ожидать, что государство постарается

освободиться отъ церкви и провести законъ объ отдѣленіи. Этого не случилось. Народъ, лишенный образованія или воспитанный въ принципахъ клерикализма, не могъ отрѣшиться отъ стараго взгляда на необходимость союза между государствомъ и церковью; а государственная власть была слишкомъ слаба, чтобы рѣшиться на столь серьезную и рискованную мѣру, которая грозила вызвать бурный протестъ клерикаловъ. Ни конституціонная монархія Луи-Филиппа, ни вторая республика, ни вторая имперія не могли осмѣлиться на окончательный разрывъ съ церковью, не подозрѣвая, что онѣ сами создаютъ могущество послѣдней, поддерживая въ народѣ невѣжество и оказывая высокій почетъ духовенству. Лишь съ учрежденіемъ третьей республики наступили условія, при которыхъ стало возможно отдѣленіе. Съ распространеніемъ просвѣщенія въ широкихъ народныхъ массахъ, съ введеніемъ въ школахъ нейтральнаго въ религіозномъ отношеніи обученія, народъ понялъ полное противорѣчіе принциповъ, на которыхъ покоятся государство и церковь. Демократія увидѣла, что эти принципы не могутъ существовать рядомъ въ законодательствѣ и правленіи, и съ 1899 г. правительство взялось за проблему, до сего времени признававшуюся неразрѣшимой.

Для протестантской церкви и евреевъ рѣшеніе не представляло ни малѣйшей трудности. Привыкнувъ жить внѣ государства, подвергаясь въ теченіе многихъ вѣковъ даже гоненіямъ съ его стороны, они совершенно не нуждались въ правительственной поддержкѣ, всегда оказывали повиновеніе закону, хотѣли одной свободы и ничего болѣе.

По отношенію къ католической церкви вопросъ объ отдѣленіи представлялся несравненно болѣе сложнымъ. Болѣе полутора тысячелѣтія католицизмъ занималъ въ государствѣ господствующее положеніе и теперь претендовалъ на сохраненіе за собою своихъ привиллегій навсегда. Понятенъ его ожесточенный протестъ противъ отдѣленія. Онъ отчаянно боролся съ идеей отдѣленія, обвинялъ государство въ атеизмъ, когда оно хотѣло быть только нейтральнымъ въ религіозномъ отношеніи, и сумѣлъ внушить многимъ государственнымъ дѣятелямъ убѣжденіе, что государство погибнетъ безъ религіи, что въ обществѣ начнется разложеніе въ тотъ самый день, когда религію принудятъ замкнуться въ храмы, а дѣятель-

ность духовенства свелуъ къ отправленію культовухъ обя-
занностей. Понадобилось цѣлыхъ 35 лѣтъ жестокой борьбы
церкви противъ республики и демократіи, чтобы правитель-
ство сознало необходимость дать проблемѣ отношенія госу-
дарства къ церкви единственно-раціональное разрѣшеніе,
которое и отлилось въ форму закона 9 декабря 1905 года.

Ө. Россейкинъ.
